

ДОКТРИНА

СНЫ О КАРАБАХЕ:

Нет ничего ценнее и дороже

В числе значимых успехов на фронте, о которых мы узнаем из телепередач, информгентств и из Twitter главы государства, - освобождение целого ряда оккупированных районов. Самым первым был деокупирован Физулинский район, затем Джебрайльский, Зангилинский, Губадлинский районы.

Предки заслуженного художника Азербайджана Сейфадин Мамедвелиев, да и он сам, - родом из джебрайльского села Бекюк Мерджанлы, расположенного неподалеку от того самого, знаменитого Джоджук Мерджанлы, освобожденного в апрельских боях 2016 года. Сам Сейфадин муаллим уже не одно десятилетие живет в Баку, с 1967 года работает в Институте рукописей Национальной академии наук главным художником-реставратором. И это несмотря на почтенный возраст: через четыре года ему исполнится 90 лет.

Флаг - над руинами Джебраила

Первое, что сделал Сейфадин Мамедвелиев, бакинec в первом поколении, услышав радостную весть об освобождении своей малой родины - заплакал, конечно. Почти шестьдесят лет жизни в столице не выветрились из памяти живописный район, расположенный в юго-западной части страны, в горах Малого Кавказа, на юге граничащий с Ираном, на юго-западе - с Зангилинским, на западе - Губадлинским, на востоке - с Физулинским и на севере - Ходжавендским районами. По данным на 1979 год, в районе проживало 43 047 человек. Из них азербайджанцы 98,5%, русские 1%, армяне 0,1%, лезгины 0,1%.

23 августа 1993 года территория Джебрайльского района была оккупирована армянскими войсками, и с тех пор находилась под управлением армян как часть Гандзакской области самопровозглашенной «Нагорно-Карабахской Республики». Полностью разрушен район площадью 1050 квадратных километров, в котором остались 72 общеобразовательные школы, 8 больниц, 5 мечетей, 2 музея, 120 исторических памятников, 149 культурных центров и около ста сел. Район практически обезлюдел.

И спустя ровно 27 лет, 27 сентября 2020 года Министерство обороны Азербайджана сообщило о взятии под контроль джебрайльских населенных пунктов - Бекюк Мерджанлы и Нюзгер, 3 октября - Мехдили, Чахырлы, Ашагы Маралан, Шейсей и Гуйджак, через день - Кархулу, Шукюрбеили, Юхары Маралиян, Чаракан, Дашкесан, Хоровлу, Махмудлу, Джафарабад, Деджал. В

этот же день, 4 октября Президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил, что азербайджанская армия взяла под контроль город Джебраил - административный центр района. Через пять дней все сайты информгентств облетели кадры с водружением флага Азербайджана над руинами райцентра, еще через пять дней Минобороны Азербайджана распространило видеорепортаж, снятый в Джебраиле, на котором отчетливо видно, что город контролируется нашими войсками.

Все это время семья Мамедвелиевых живет с ощущением долгожданного счастья. «Если выпадет случай поехать на родину, - говорит он со слезами на глазах, - опущусь на колени и поцелую родную землю, ведь в ней похоронены мои предки и моя доченька».

...Мы сидим в гостеприимном доме Сейфадина муаллима, пьем чай с медом и печеньем, ведем неторопливую беседу. Оно и понятно: в таком возрасте все делается размеренно, неспешно. О джебрайльском селе с теплотой рассказывает и супруга нашего героя - Фирангиз ханым, в 1961 году вошедшая невесткой в семью художавого джебрайльского паренка. Бакинка, красавица-блондинка с голубыми глазами, не раздумывая ответила согласием на его предложение руки и сердца. Почти шестьдесят лет прожито в счастливом браке, в следующем году будут отмечать бриллиантовую свадьбу. Годы семейного счастья были омрачены только гибелью дочери (младшая дочь Тебессум умерла в 1984 году в возрасте 19 лет) и исчезновением старшего сына Фахрадина, талантливого художника, исторические полотна которого кажутся созданными с натуры очевидцем событий (в ноябре 1993 года, будучи студентом 4-го курса Института искусств им.М.Алиева, он вышел из дома и не вернулся. Поиски оказались напрасными).

В мастерской отца, резчика по дереву, в трехкомнатной «хрущевке» - картины, поражающие остротой сюжетов и тщательной отработкой кистью каждой детали. Восточный колорит, история древних государств - в том числе и Азербайджана, битвы, великие личности, поистине философский взгляд на реально имевшие место события поражают воображение. Художник словно сам был их очевидцем, словно рисовал с натуры.

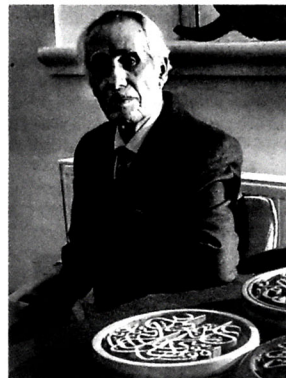
Две жизни - одна судьба

Даже не верится, что все эти полотна создал наш современник, да еще такой молодой. Его талант проявился еще в раннем детстве. Конечно, влияние отца было явным, но Фахрадин не очень увлекся прикладным искусством -

он гораздо больше любил рисовать. Став постарше, Фахрадин познакомился с известными художниками и поэтами того времени, которые бывали гостями у них дома - Бахтияром Вахабзаде, Ибрагимом Ахтари и другими. И все же именно история была главной в творчестве Фахрадина, во многих картинах есть сюжеты исторических сражений. Это «Битва Шаха Исмаила Хагаи и Шейбани-хана» (1978-1979), «Взятие Константинополя», «Поход Надиршаха в Индию» (1983-1984), линогравюра «Пробуждение народа» (1986-1987) и др.

Азербайджан потерял талантливого художника. Его отец говорит об этом так: «Я горюю, что потерял сына, но еще больше горюю, что потерял большой талант. Когда я смотрю на его картины, мне кажется, что мой сын прожил 50-60 лет, а не 31 год. Он словно знал, что ему недолго жить, и торопился успеть как можно больше...».

Сам же Сейфадин муаллим - заслуженный художник страны, его работы (резьба по дереву) не раз украшали выставки и в Азербайджане, и за его пределами -

Сейфадин Мамедвелиев

Тарана Шукюрлю

Саудовская Аравия, Тунис, Франция, Турция, Иран. В Берлине, в Музее исламской культуры до сих пор остаются две его известные работы. На киностудии «Азербайджанфильм» о нем снят документальный фильм «iki ömür» (Две жизни). Название символично. «Первую жизнь дереву дает природа, - объясняет Сейфадин муаллим, - а потом, когда оно высыхает, жизнь в него вдыхает художник. Вот так и начинается вторая жизнь дерева».

Из высушенных веток ореха (он любит работать именно с этим деревом) вырезает уникальные вещицы, которыми украшены и мастерская в Институте рукописей, и небольшая бакинская квартирка, и выставочные экспозиции. Хотя заниматься этим искусством Сейфадин муаллим начал довольно поздно, в 48 лет, уже реставрируя старинные институтские фолыанты. Там же попробовал вырезать на дереве буквы арабского алфавита, очень скоро достигнув совершенства. Теперь его признают пионером в этом начинании: до него в мире никто не делал этого.

Интересуюсь, продает ли он свои произведения. На что художник с долей юмора отвечает: «Не продаю, у кого есть деньги - нет вкуса, у кого есть вкус - нет денег». А вот всех желающих научиться этому искусству - обучает с удовольствием.

Рассказывая о своей долгой жизни, такой грудной и такой яркой, самой главной чертой, характеризующей настоящего человека, считает справедливость. И на вопрос, снится ли ему родное село, отвечает положительно. «Только снится мне Джебраил не поверженный, не затоптанный армянским сапогом. В своих снах я вижу его таким, каким видел наяву - с удивительными горными родниками, весело журчащими и стекающими вниз, с безоблачным небом...». И подводя итог нашей беседе, философски заключает: «Из-за любви я готов умереть, но если из-за свободы надо будет переступить через любовь, я это сделаю не задумываясь. Потому что нет ничего дороже свободы родной земли».

Долгий путь под проливным дождем

«Evimizin divarını öpdüm, qarımsı açarladım, uşağığımı orda dañ edib galdım». Эти слова написала на своей странице в Facebook Тарана Шукюрлю, руководитель пресс-службы Института языкознания НАНА. Можно было,

«Вот видите, вначале идет Бейлаган, затем - Физули, Джебраил, а Зангилян - самая крайняя кожная точка, на самой границе с Ираном».

Отсюда 29 октября 1993 года ушли последние беженцы, вырвавшись из 67-дневной блокады. Произошло это благодаря общенациональному лидеру, которому удалось договориться с руководством Ирана о временном открытии границ (чтобы пропустить беженцев) и уменьшении уровня воды в Аразе (чтобы можно было перейти реку и оказаться на безопасной территории).

Семье Тараны - родителям, старшему брату и младшей сестренке, а также родственникам (дяди-тети-племянники - в общей сложности порядка десяти человек) повезло, им удалось проделать этот долгий путь хоть и под проливным дождем, но в кузове грузовика. А многие люди просто шли по ледяной воде Араза, неся в руках самое ценное, что есть у человека - своих детей. Небеса обрушились на них невиданным дождем ливнем, но иного выхода у них не было - надо было спасаться во что бы то ни стало, чтобы спустя почти тридцать лет произнести: «Esg olsun, Sənah Prezident!».

Рассказывая об этом, Тарана уносится мыслями в то далекое время, на тот далекий рубеж, который поделил ее жизнь на «до» и «после». Вспоминает, как при первых же звуках сирены бежали в подвал дома, ставшего бомбоубежищем, как при тусклом свете керосиновой лампы коротали ночи за разговорами с соседями. А потом был Баку, и для нее, десятилетней девочки, началась другая жизнь - в большом красивом городе, где, несмотря на осень, было тепло, солнечно, сытно, где почти всегда горел свет и из кранов текла вода. Где жили родственники, приютившие ее семью и окружившие своей заботой. За эти почти тридцать лет Тарана окончила филфак БГУ, стала тюркологом, защитив кандидатскую диссертацию, посвященную основным направлениям азербайджано-узбекской терминологии, на подходе уже и докторская - по тематике турецкого языка.

Занги, Зангилян, Зангибасар

Все эти годы она неустанно на всех информационных ресурсах - телевидении, радио, газеты, информгентства - рассказывала о родном крае - Зангибасаре. И не только о красотах его природы, удивительных людях, но и о своих научных исследованиях. «Зангилян с древних времен был заселен тюрками, - поясняет ученый-лингвист. - Это подтверждает и название района, и название этноса: во многих источниках слово «зангилян» напрямую связано со словом «занги», это же относится и к названию реки. Зангиляны жили у подножья горы Агрыдаг, их владения простирались вплоть до самых степей Туркестана».

С огромной болью она перечисляет исторические памятники, оказавшиеся в оккупации: могила Шарифана, один из средневековых архитектурных памятников (XII-XIII вв.). В 1974 году во время исследований Института истории АН Азербайджана были обнаружены руины средневекового города, известного как Шахри-Шарифан. Да-

конечно, перевести эти слова, и получилось бы «Я поцеловала стены нашего дома, закрыла двери и похоронила там свое детство». Но никакой перевод не передаст той глубины, того отчаяния и боли, как оригинал.

Когда Тарана узнала об освобождении родного Зангиляна, который армяне успели переименовать в Ковсакан, не смогла сдержать слез. «Я в это время была в маржете, мне с поздравлениями позвонила подруга и сообщила, что только что Президент Ильхам Алиев официально объявил об освобождении Зангиляна. Я так рыдала, именно рыдала, а не просто плакала. Продавцы и покупатели поспешили ко мне на помощь, а узнав, в чем дело, тоже заплакали вместе со мной. Я потом долго в тот маркет не могла зайти, стеснялась. Ту ночь провела без сна, не могла ни есть, ни пить, в голове стучала одна-единственная мысль: моя мечта сбылась, мой родной Зангилян снова вернулся к нам! Как мы все благодарны за это нашему дорогому Верховному главнокомандующему!».

В кабинете институтского отдела тюркологии, где работает доцент Тарана Шукюрлю, кандидат филологии по филологии, на видном месте - карта региона, в которой она ориентируется как в собственных апартаментах. Показывает:

ДОКТРИНА

Через тернии к победе

свободы родной земли

лее - Мавзолей Мамедбеги, да-тируемый XIV веком: он был построен из белого камня в 1304 году, его отличают восьмиугольные гробницы, характерные для азербайджанской архитектуры. Ну и конечно, Камень Кероглу на вершине Агоюга и башня Хаджаллы - все это часть материальной культуры Азербайджана. К слову, в Зангилане, утверждает Тарана, есть башни, похожие на Гызгаласы (Девичью башню).

Одним словом, молодому перспективному ученому и горячему патриоту будет чем заняться по возвращении на родину, ведь работы - непочатый край. «Первым делом пойду в наш дом, который снится мне все эти годы, и конечно, пойду на могилу своего деда. От прежней жизни у меня остались только ключ от дома и маленькие часы - все, что удалось взять с собой. Это самые дорогие реликвии моей родины».

Горькие воспоминания о войне - это самые разрушительные воспоминания о детстве, формирующие психику и дальнейшее развитие человека. Война - самая страшная и самая несправедливая вещь на свете, это не только столкновение двух государств и двух армий, это ошибка культур, мировоззрений, это одна большая психологическая травма, где память детская цепко удерживает вой сирены, разрывы снарядов, полутемный подвал, плачущих детей и тревожные глаза матерей. «Я до сих пор и пяти минут не могу оставаться в темноте», - говорит Тарана, на миг превращаясь в школьницу из осаждаемого Зангилана, которая мысленно успокаивает четырехлетнюю плачущую сестренку, уговаривая, что все будет хорошо и они обязательно вернутся домой. К себе домой.

Для ведущего научного сотрудника Института литературы им. Низами Национальной академии наук доктора филологии по филологии Ильхам Мамедли радость победы, радость освобождения родного Кяльбаджара - еще впереди. Это обязательно случится, уверен ученый, ведь соседние районы уже очищены от вражеского сапога, теперь очередь за остальными.

Ильхам Мамедли родился в кяльбаджарском селе Бязирхана в 1963 году. Это совсем близко от границы с Арменией. Отслужил в армии, поступил на факультет журналистики Бакинского государственного университета, да так и остался жить в Баку. Здесь для него открывалось широкое поле деятельности - газеты «Nar gün», «Azərbaycan XXI əsr», «Bütöv Azərbaycan» - в этом печатном издании он работает до сих пор, являясь ее главным редактором и сочетая журналистскую деятельность с научными исследованиями в Институте литературы. Именно здесь он десять лет назад защитил кандидатскую диссертацию, посвященную кяльбаджарской литературной среде XX века.

Время менять статус-кво

Несмотря на то, что из своего родного села - такого же древнего и знаменитого, по его словам, как Азыл или Гобустан, он уехал более полувека назад, но в нем до самой оккупации оставались

все ближайшие родственники - родители, три брата и три сестры. Большая дружная семья вместе переживала все тяготы пятилетней блокады - без света, газа, воды. И март 1993 года, когда они отметили Новруз байрамы, стал последним праздником на родине. Буквально сразу после него, 29 марта ситуация сильно ухудшилась, началось массированное наступление армян, и кяльбаджарцам пришлось в спешном порядке покидать свои дома - высаккивая из них в чем были одеты - и прямым через вершины Мурувдага держать путь в тертерские и бардинские села, а далее - Гянджа, Сумгайыт, Баку...

По заснеженным перевалам (а март в тех краях еще зима) шли

Ильхам Мамедли

заяв, учитывая звериную сущность армянского фашизма, не стоит и надеяться.

Ну а дальше беженцев ждала незавидная участь: кого-то приютили родственники, кто-то поселился в палаточных городках, хлебнув все тяготы и все испытания того времени. Родственники Ильхам Мамедли поселились у него, стали внедряться в новые обстоятельства, в новую жизнь. Молодое поколение получило образование, стали врачами, учителями, инженерами. Те, кто постарше, не выдерживали разлуки с родиной. Первым - через три года - ушел отец Ильхам Мамедли, далее - его братья. Перед смертью все наказывали: как освободят Кяльбаджар, перезахороните на родине.

Джемаледдин Гасанов

долго, почти неделю, унося с собой только документы, немного продуктов и память о родине. Вот как об этом писали СМИ: «Оккупация армянскими бандформированиями Кяльбаджарского района сопровождалась бесчеловечными массовыми преступлениями против местного населения. Оккупация района началась с двух сторон: из НКАО и одновременно с территории Армении, нарушив государственную границу Азербайджана. В результате этих стремительных действий судьба гражданского населения стала трагической. Все вертолетные площадки обстреливались, а прорвавшиеся вертолеты не повезло: уже в воздухе с людьми на борту их сбивали армяне. Для беженцев осталась только одна дорога жизни - через Мурувдаг. Перевал был еще закрыт снегом, но люди шли. У них не было другого выбора. Это был страшный исход: старики, женщины, дети. Пробиваясь сквозь снег и туман, обмороженные женщины несли детей, старики в полубоморочном состоянии несли пожилки. Непогода мешала армянам вести прицельный огонь. Тогда они предприняли попытку закрыть перевал - слева, прямо на дороге выскочили два армянских танка Т-72. Они стали стрелять по безоружным людям из крупнокалиберных пулеметов в упор. Потом, когда сошел снег, сколько вокруг было найдено мертвых тел женщин, детей, и многие погибли не от пуль, а просто замерзли, ведь большинство были одеты лишь в то, в чем выскочили из дома».

Ильхам муаллим до сих пор с горечью говорит, что сожалеет об одном - что не удалось забрать библиотеку (порядка 3 тысяч книг) и альбомы с фотографиями, в которых вместились вся их прежняя жизнь. О том, что они могут быть целыми и дожидаться своих хо-

Еще немного, еще чуть-чуть

Джемаледдину Гасанову всего 46 лет, но выглядит он на все 60. Это печать сражений, которая отразилась на уставом лице ветерана первой Карабахской войны. Сейчас Джемаледдин с семьей живет в галджикубульском селе Навахи, что в 100 километрах от Баку. Родное губадлинское село Гияслы семья покинула в 1993 году, когда район полностью перешел под контроль армянских вооруженных формирований. Сам Джемаледдин на тот момент служил в армии - в Баку, охранял Центральный военный госпиталь. В 1992 году добровольцем ушел на фронт. Пехотинцем старшим сержантом прошел через Губаллы, Физули, Лачин. Через два года окончил краткосрочные офицерские курсы, стал лейтенантом, и снова фронт, ранение (тяжелая контузия). Второе ранение - в 1998 году, перемирие, как и сейчас, и тогда было только на бумаге: враг стрелял, стреляет сейчас и будет стрелять всегда, если его не остановить.

До самого конца первой Карабахской войны был разведчиком, командиром разведгруппы. О войне рассказывает неохотно, как и большинство разведчиков. Все больше о своих товарищах, о том тяжелейшем времени и бремени, выпавшем на долю наших граждан, ставших заложниками армянского сепаратизма. С любовью и грустью вспоминает своего командира, погибшего у него на руках, - Джадала Сулейманова. Именем друга он назвал сына своего брата. Заметно оживляется, когда рассказывает о Гияслы - горы, леса, воздух, все несравненное. Говорит, что в тех горных речушках водилось более 50 (!) видов форели.

Джемаледдин Гасанов - президентский стипендиат, за безупречную службу награжденный несколькими правительственными наградами. К нам в редакцию он приехал со всеми своими медалями - по нашей настойчивой просьбе. Долго не хотел прикреплять на пиджак, когда фотографировали, тоже пришлось уговаривать. Скромный парень, разведка не привыкла светиться.

Однако, каким бы неразговорчивым он ни был, все же один случай из боевой жизни рассказал. Три дня сидели в тылу врага, следили с высоты за передвижением оккупантов из резервного табора. Задача была - взять «языка». Хитро, по-военному заманили в ловушку автомобиль с высокопоставленными офицерами, убили водителя из пистолета с глушителем - чтоб не привлекать внимания и не делать шуму, затем

быстрый рывок и умелыми действиями бойцов нейтрализованы начальник штаба батальона в звании майора, прапорщик и рядовой. Потом еще несколько дней сидели в лесу ниже травы тише воды, пока не закончились поиски пропавших. Впрочем, долго-то их никто и не искал.

Он ненадолго замолкает, смотрит куда-то вдаль, потом произносит: «Я не могу вам подробно рассказывать, что видел в Мадагизе - беременных женщин с распоротыми животами и рядом их не рожденных младенцев... а наши солдаты, увидев полутолую армянку, отдали ей свою одежду, чтоб стыд прикрыть и чтоб холодно не было... мы же не фашисты...».

Сейчас семья Гасановых живет в собственном доме, подаренном главой государства в 2009 году. Он пенсионер, инвалид 2 группы.

Наша беседа с ним состоялась через несколько дней после освобождения Джебраила. Прощаясь, выразил надежду - к тому времени, как материал будет готов к печати, возможно и Губаллы будет освобожден. «Мои ребята, мои солдаты - сейчас офицеры, воюют на фронте. Уверен, что победят».

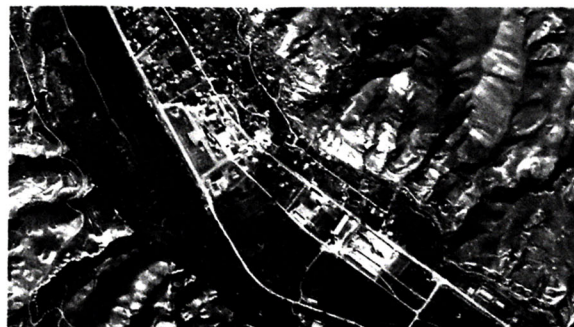
Так оно и случилось: 25 октября азербайджанская армия освободила несколько сел Зангиланского, Джебраильского и Губадлинского районов и город Губаллы. Теперь там, как написал Президент Азербайджана Ильхам Алиев на своей официальной странице в Twitter будут развиваться аграрная, строительная, обрабатывающая и добывающая промышленности.

Как Кяльбаджар и Зангилан, Губаллы отличается своими залежами полезных ископаемых - пилеши, обливочным, цветным и строительным камнем, глиной, а также запасами пресных подземных вод. Каждый из этих ресурсов является одной из основных особенностей, отличающих Кяльбаджар-Лачинский экономический район от других. А месторождение агата, расположенное в этом районе, считается одним из редких. Эта зона, отличающаяся от других рядом экономических преимуществ, будет играть серьезную роль в экономическом и инклюзивном развитии Азербайджана, полагают эксперты.

А что армяне? «Сегодня мы переживаем одну из самых позорных и разрушительных страниц своей истории. Под угрозой находится будущее Армении и армян. Можно ли изменить ситуацию, повернуть все вспять? Да! Но не при существующем правительстве. Оно должно уйти в отставку. Это единственный путь спасения. В противном случае мы можем потерять все», - пишет бывший премьер-министр и министр обороны Армении, председатель партии «Национально-демократический союз» Ваглен Манукян.

В этом и заключается та самая сермяжная правда, позволяющая трезво оценивать ситуацию.

А для нашей победоносной армии впереди еще - бой за освобождение остальных районов Нагорного Карабаха и Кяльбаджара. А там и до Лачина - рукой подать. Еще немного, еще чуть-чуть и наши сны о Карабахе станут реальностью.

Освобожденный Губаллы. Вид из космоса